

Научная статья

УДК 332.1

doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.012

ОЦЕНКА ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ СЕВЕРА РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ)

Марина Викторовна Ненашева¹, Антон Михайлович Максимов²¹Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия, m.nenasheva@narfu.ru, ORCID 0000-0002-2875-5638²Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н. П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, Архангельск, Россия, amm15nov@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0959-2949

Аннотация. Цель данной работы состоит в приращении эмпирического и теоретического знания о локальных аспектах резилиентности, позволяющем оценивать уровень жизнестойкости сельских сообществ Севера России в новых экономических условиях. Показано, что в советские годы экономическая жизнеспособность северных деревень поддерживалась государством. В результате рыночных реформ прошлого века большинство колхозов и совхозов пришли в упадок, что привело к трудовой миграции. Несмотря на отрицательную демографическую динамику, сложную экономическую ситуацию и ограниченную транспортную доступность, в северных деревнях до сих пор сохраняется постоянно проживающее население. Опираясь на теорию резилиентности, методологические подходы к ее оценке и результаты полевых исследований, которые проводились в 2017–2022 гг. в деревнях и селах островных и прибрежных территорий Приморского района Архангельской области, авторы выявили факторы, которые определяют жизнестойкость сельских сообществ в новых экономических условиях. К ним относятся местоположение, локальная экономика и социальный капитал. Для каждого из компонентов были определены индикаторы и предложена методика их оценки. В результате рассчитан интегральный индекс жизнестойкости сельских сообществ островных и прибрежных территорий Приморского района Архангельской области. Сделан вывод о том, что оценка уровня жизнестойкости сельских сообществ может дать информацию о готовности общества к внешним вызовам и показать, какие ресурсы (экономические, социальные, природные) являются надежными, а какие уязвимыми. Новизна исследования заключается в рассмотрении концепции жизнестойкости как новой научной парадигмы исследования социальных систем, а также апробации методики ее оценки на основе качественных показателей. В перспективе результаты исследования могут быть использованы для разработки новых подходов к освоению северных пространств, стратегий социально-экономического развития сельских территорий, а также конкретных планов адаптации сельских жителей Севера России к различным вызовам.

Ключевые слова: сельское население, экономика, изменения, жизнестойкость, Север России, Архангельская область, Приморский район

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286/>.

Для цитирования: Ненашева М. В., Максимов А. М. Оценка жизнестойкости сельских сообществ севера России (на примере поселений Архангельской области) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2023. № 2. С. 175–188. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.012

Original article

ASSESSING THE RESILIENCE OF RURAL COMMUNITIES IN THE RUSSIAN NORTH: A CASE STUDY OF ARKHANGELSK REGION COMMUNITIES

Marina V. Nenasheva¹, Anton M. Maksimov²¹Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, m.nenasheva@narfu.ru, ORCID 0000-0002-2875-5638²Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Arkhangelsk, Russia, amm15nov@yandex.ru, ORCID 0000-0003-0959-2949

Abstract. The purpose of this study is to enhance the empirical and theoretical understanding of the local aspects of resilience, which makes it possible to assess resilience levels in rural communities in the Russian North under new economic conditions. The study shows that during the Soviet era, the state provided economic support to sustain the viability of northern villages. As a result of the market reforms of the past century, most collective and state farms fell into decline, which led to labor migration. Despite negative demographic trends, the difficult economic situation, and limited transportation access, there is still a permanent resident population in northern villages. Based on the theory of resilience, methodological approaches to its assessment,

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

and the results of field studies conducted in villages located on the island and coastal territories of the Primorsky district in the Arkhangelsk region between 2017 and 2022, the authors identify factors that determine the resilience of rural communities in the new economic conditions. These include location, local economy, and social capital. Indicators were established for each of the factors to propose a methodology for their assessment. As a result, an integrated resilience index was calculated for rural communities in the island and coastal territories of the Primorsky district in the Arkhangelsk region. It is concluded that the assessment of resilience levels of rural communities can provide information about society's preparedness to face external challenges and identify which resources (economic, social, or natural) are robust or vulnerable. The novelty of the research lies in considering resilience as a new research paradigm for studying social systems and validating a methodology for its assessment based on qualitative indicators. The results of the study can be used to develop new strategies for the social and economic progress of rural areas and specific plans to facilitate the adaptation of rural residents in the Russian North to emerging economic challenges.

Keywords: rural communities, economy, changes, resilience, Russian North, Arkhangelsk region, Primorsky district

Acknowledgments: this research was funded by the Russian Science Foundation, Grant No. 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286/>.

For citation: Nenasheva M. V., Maksimov A. M. Assessing the resilience of rural communities in the Russian North: A case study of Arkhangelsk region communities. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2023, no. 2, pp. 175–188. doi:10.37614/2220-802X.2.2023.80.012.

Введение

Одним из приоритетных направлений государственной политики современной России является развитие Севера и Арктики, значение которых обусловлено их геополитическим, природно-ресурсным и социально-экономическим потенциалом [1]. В советские годы интенсивное освоение северных пространств было связано с индустриализацией и становлением крупных производственных комплексов, которые определяли развитие как существующих, так и новых населенных пунктов [2–4]. С распадом Советского Союза произошли качественные изменения в экономическом и социальном состоянии России. Резкое снижение темпов производства повлекло за собой повсеместное сокращение рабочих мест, трудовую миграцию, ухудшение уровня и качества жизни населения [5; 6]. Негативные социально-экономические тенденции особенно сильно затронули сельские территории Севера России, жизнеспособность которых долгие годы поддерживались государством [7–9]. За годы реформ лишенное государственной поддержки сельское население Севера России так и не смогло интегрироваться в рыночную экономику. Концентрация хозяйственной деятельности в крупных промышленных центрах привела к постепенному разрыву экономических связей между регионами и усилению «периферийности» северных территорий, которая сегодня обуславливается не только географической удаленностью от центральных регионов России и трудной транспортной доступностью, но и отсутствием доступа к инновациям и «экономике знаний» [10; 11].

Сложившаяся социально-экономическая ситуация не осталась без внимания российских ученых, которые с начала 2000-х гг. разрабатывают новые теоретические подходы к устойчивому развитию сельских территорий. Так, в рамках экзогенной модели экономического роста обосновывается необходимость децентрализации экономики, перехода к многосекторной диверсификации видов

экономической деятельности, воспроизводству региональной производственной базы с опорой на сетевое взаимодействие и ориентацией на внутренний спрос [2; 12–17]. С позиции эндогенного подхода предлагаются различные модели развития северных территорий путем использования человеческого капитала. Предполагается, что особые формы социальной организации, местные знания, а также творческие способности сельских жителей могут способствовать развитию альтернативных видов хозяйственной деятельности и адаптации локальных сообществ к новой экономической реальности [2; 18–20].

При любом подходе очевидно, что сбалансированное развитие северных территорий невозможно без сохранения постоянно проживающего населения. А для этого необходимо возрождать традиционное для села аграрное производство, восстанавливать социальную инфраструктуру и создавать благоприятные условия для жизни людей. Важность решения этих задач обуславливает актуальность использования новых теоретико-методологических подходов к изучению социально-экономических процессов на селе [2; 21–23]. Один из них связан с исследованием жизнестойкости (резилиентности) сельских сообществ [24].

В общественные науки английский термин «резилиентность» (англ. *resilience*) пришел в начале XXI в. из естествознания, где он буквально переводится как «упругость» и отражает свойство физических объектов восстанавливать форму после некоторого воздействия [24]. В 1960-х гг. этот термин по аналогии стал использоваться в теории экологической устойчивости, затем апробирован на социально-экологических системах, а в начале 2000-х гг. применен в исследовании того, как локальные сообщества реагируют на различные вызовы. Для данного аспекта рассматриваемой темы были введены понятия *social resilience* (социальная резилиентность), или *community resilience* (резилиентность сообществ) [24].

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Для перевода термина на русский язык в российском научном дискурсе используется калька «резиль(и)ентность» [25–27], шокоустойчивость [28] и жизнестойкость [29; 30].

Общий методологический подход, используемый как российскими, так и зарубежными исследователями к рассмотрению резилиентности, базируется на изучении конкретной территории в совокупности ее экономических, социальных, природных характеристик. В парадигме территориального развития под жизнестойкостью чаще всего понимается способность местных сообществ успешно справляться с различными вызовами. Другими словами, чем большее воздействие социальная система может выдержать и оставаться «жизнеспособной» (англ. community viability) в долгосрочной перспективе, тем более жизнестойкой она является [31; 32]. При этом сама жизнестойкость рассматривается не как состояние, а как процесс изменения и/или адаптации социальной системы к внешним воздействиям, который охватывает все уровни социальной организации общества [25; 33–36].

Опираясь на существующие социальные теории, западные исследователи утверждают, что в условиях неопределенности и кризиса наиболее значимым фактором жизнестойкости сообществ является социальный, экономический и природный капитал, которые формируют адаптационный потенциал сообществ и позволяют им выдерживать резкие изменения внешних условий, а также быстро восстанавливаться после них [33–35]. Для оценки жизнестойкости российские и зарубежные ученые предлагают подход, основанный на количественном и качественном измерении основных компонентов резилиентности, к которым относят готовность системы предвидеть возмущающие воздействия, готовиться к ним, реагировать на них и восстанавливаться в ответ на внешние вызовы [28; 37; 38]. Для каждого компонента резилиентности предлагается разработать систему показателей (индикаторов), а также методы их количественного и качественного анализа. Оценка каждого из компонентов даст возможность выявить резилиентностный потенциал, отражающий степень надежности системы в условиях возмущающих воздействий [24; 28].

Учитывая актуальность исследования, цель данной работы состоит в приращении эмпирического и теоретического знания о локальных аспектах резилиентности, позволяющем оценивать уровень жизнестойкости сельских сообществ Севера России в новых экономических условиях. Конкретные задачи исследования включают: 1) рассмотрение жизнедеятельности сельских сообществ Севера России на примере Приморского района Архангельской области и выявление факторов, определяющих их жизнестойкость; 2) разработку и апробацию методики оценки жизнестойкости сельских сообществ

Севера России на основе построения интегрального индекса; 3) обоснование теоретической и практической ценности концепции жизнестойкости для разработки новых стратегий социально-экономического развития сельских территорий, а также конкретных планов адаптации сельских жителей Севера России к различным вызовам. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении концепции жизнестойкости как новой научной парадигмы исследования социальных систем, а также апробации методики ее оценки на основе качественных показателей.

Материалы и методы

Исследование жизнедеятельности сельских сообществ Севера России проводилось летом 2017, 2019, 2021 и 2022 гг. в муниципальных образованиях (МО) «Островное» (деревни Пустошь, Выселки, Одиночка, Ластола, Андрианово, Конецдворье и село Вознесенье); «Пертоминское» (деревни Пушлахта, Летний Наволок, Летняя Золотица, Лопшеньга, Яреньга и поселок Пертоминск) и «Талажское» (деревня Патракеевка) Приморского района Архангельской области. Указанные населенные пункты расположены в дельте реки Северная Двина и на побережье Онежского полуострова и являются самыми крупными деревнями, на территории которых сохранилось постоянно проживающее население.

Сбор эмпирических данных о жизнедеятельности местных сообществ проводился методом глубинных интервью с местными жителями. Выбор данного метода объясняется неполнотой, а по некоторым населенным пунктам отсутствием официальных статистических данных о социально-экономическом состоянии поселений. В связи с небольшой численностью постоянно проживающего населения и ограниченной доступностью указанных территорий выбор респондентов осуществлялся методом «снежного кома» с учетом соответствия состава информантов половозрастной и стратификационной структуре локального сообщества, как она стала известна из серии предварительно проведенных экспертных интервью.

Для получения экспертного мнения были проведены интервью с официальными представителям администрации Приморского района Архангельской области, муниципальных образований «Островное», «Пертоминское» и «Талажское». В результате получены данные о социально-экономическом состоянии, демографической ситуации, транспортной доступности, экологической обстановке, социальной инфраструктуре островных и прибрежных территорий.

Определение индикаторов жизнестойкости проводилось с использованием подхода к расчету потенциала резилиентности, предложенного К. Фостер, который используется во многих исследованиях [37]. Данный подход предполагает выделение блоков,

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

или подсистем, жизнестойкости в разрезе способности социальной системы: а) предвидеть возмущающие воздействия; б) готовиться к ним; в) реагировать на них и г) восстанавливаться в ответ на внешние вызовы [24; 28; 35]. Кроме того, нами были использованы методические разработки А. Н. Пилясова и В. А. Молодцовой для количественной оценки жизнестойкости арктических городов [38]. Учитывая то, что логика формирования, развития и жизнедеятельности сельских поселений отличается от городов, и Арктика здесь не исключение, подход А. Н. Пилясова и его коллег может быть применим лишь до некоторой степени и, соответственно, нуждается в модификации с учетом задач нашего исследования. Так, субиндекс внутренней пространственной структуры, очевидно, невалиден для оценки жизнестойкости сельских поселений в связи со специфически «городским» составом его индикаторов. В то же время два других субиндекса — «местоположение» и «гибкость» городских систем — вполне могут быть использованы с некоторыми модификациями. В результате нами выделяется три субиндекса для расчета интегрального показателя жизнестойкости северных сельских поселений: а) местоположение; б) локальная экономика; в) потенциал сообщества. Учитывая, что и К. Фостер, и А. Н. Пилясов широко применяют показатели, базирующиеся на статистических данных, совсем исключать их из методики расчета, несмотря на неполноту официальной статистики, не представляется целесообразным. В нашем случае мы использовали статистическую информацию из открытых источников в том случае, если она корреспондировала с качественными оценками экспертов и консенсусным мнением информантов, представляющих местное сельское сообщество. В случае заметного расхождения официальной статистики с экспертными оценками и содержанием полевых материалов, мы отдавали предпочтение последним.

Для расчета каждого субиндекса использовалось несколько индикаторов, каждый из которых был нормализован в безразмерный частный индекс, значения которого укладываются в диапазон [0; 1], по формуле $R_i = (X_i - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min})$, где R_i — значение индекса для i -го поселения, X_i — значения показателя (в единицах измерения) для i -го поселения, X_{\max} — наибольшее значение показателя (в единицах измерения) из n выборки поселений, X_{\min} — наименьшее значение показателя (в единицах измерения) из n выборки поселений.

Конструирование шкал для конкретных индикаторов предварялось процедурой классификации поселений

по соответствующему индикатору. Далее каждому классу поселений методом экспертных оценок присваивалось определенное числовое значение [39]. При этом значения определялись на отрезке от 0 до 1 с шагом, равным $1/k-1$, где k — число классов поселений.

Результаты

В советские годы основной отраслью экономики на островных и прибрежных территориях Архангельской области было сельское хозяйство. В деревнях дельты реки Северная Двина и побережья Онежского полуострова выращивали овощи, производили молочные продукты, которые поставлялись в Архангельск и другие областные города. На побережье были хорошо развиты рыбная и лесная промышленность, а также социальная инфраструктура. Практически в каждой деревне имелись детские сады, школы, поликлиники, предприятия жилищно-коммунального хозяйства.

С переходом к рыночной экономике большинство колхозов и совхозов разорились. Сокращение аграрного производства привело к трудовой миграции в города. Постепенно уменьшалась численность местного населения (табл. 1). Сегодня сельское население обследованных деревень имеет повышенную долю людей пенсионного возраста и меньшую долю лиц трудоспособного возраста, молодежи и детей.

Наряду с малолюдностью, географической особенностью рассматриваемых территорий является их удаленность от областного центра, отсутствие развитой дорожной сети и круглогодичного автомобильного сообщения. В период навигации, с начала мая по конец октября, связь островных территорий с городом Архангельском осуществляется речным транспортом, а в зимнее время — по ледовым переправам. В советские годы регулярность и частота речных перевозок пассажиров поддерживалась государством. В связи с массовым оттоком сельского населения в города речные перевозки стали не рентабельны и сегодня сохраняются за счет дотаций из местного бюджета. К деревням МО «Пертоминское» на Летнем берегу Онежского полуострова доставка пассажиров и грузов осуществляются один раз в месяц теплоходом «Беломорье». Основным круглогодичным способом сообщения между Пертоминском, Лопшеньгой и Летней Золотицей является малая авиация, которая сегодня субсидируется из регионального бюджета, что повышает доступность этого вида транспорта для большей части сельского населения побережья.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Таблица 1

Численность постоянно проживающего населения островных и прибрежных территорий Приморского района Архангельской области по состоянию на 1 января 2022 г. *

Населенный пункт	Численность населения, чел.
<i>Муниципальное образование «Островное»</i>	
Пустошь	221
Одиночка	30
Выселки	25
Андрианово	23
Ластола	432
Конецдворье	31
Вознесенье	412
<i>Муниципальное образование «Талажское»</i>	
Патракеевка	82
<i>Муниципальное образование «Пертоминское»</i>	
Пушлахта	31
Летняя Золотица	102
Летний Наволок	5
Лопшеньга	187
Яреньга	74
Пертоминск	245

* Населенные пункты России: численность населения и географические координаты. Источник: Минздрав РФ; обработка: Инфраструктура научно-исследовательских данных, АНО «ЦПУР», 2021. URL: <http://data-in.ru/data-catalog/datasets/160/>.

Еще более остро, по сравнению с деревнями Летнего берега, воспринимаются транспортные проблемы в МО «Талажское». Кроме зимника в соответствующий период времени им доступно только сообщение по морю. При этом единственный бюджетный транспорт — баржа «Куя» — ходит три раза в неделю, а наем катера обходится чрезмерно дорого. В распутицу население большинства рассматриваемых деревень оказывается надолго «отрезанными» от Большой земли, поэтому с наступлением осени и до начала весенне-летней навигации многие жители стараются уезжать в города. Из-за ограниченности транспортного сообщения практически в каждом домовом хозяйстве есть маломерные суда, которые используются местными жителями для поездок в соседние муниципальные образования и город для получения услуг здравоохранения, бытовых услуг и посещения торговых центров, а также позволяют поддерживать независимость от регулярного транспорта.

Традиционная хозяйственная деятельность постоянно проживающего населения островов и прибрежных территорий включает рыбный промысел, выращивание овощей на приусадебных участках, сбор ягод и грибов, охоту на дикого зверя и птиц. До 2010 г. на побережье Белого моря была развита добыча водорослей, а в деревне Летняя Золотица — охота на морского тюленя и добыча водорослей. Сегодня сельским хозяйством, рыболовством, добычей водорослей занимаются

частные фермерские предприятия и рыболовецкие колхозы, количество которых в последние годы заметно сократилось. Так, в начале 2000-х гг. в МО «Островное» было 22 крестьянско-фермерских хозяйства, сегодня — одно, в деревне Андрианово. В деревне Летняя Золотица функционирует один рыболовецкий колхоз и одно частное предприятие по добыче беломорских водорослей, а в деревне Пушлахта местными жителями осуществляется заготовка дров для нужд Соловецкого монастыря.

Рыбная ловля традиционно занимает особое место в жизни поморских деревень. Местные жители промышляют навагу, горбушу, сельдь, сига, некоторые другие породы морских рыб в периоды, когда вылов законодательно разрешен. Лов производится как в прибрежных водах Белого моря, так и в притоках реки Северная Двина и многочисленных озерах. Вместе с тем рыбная ловля для местных жителей не является рыночно ориентированным видом экономической активности, что связано с отсутствием локальных рынков сбыта и логистическими трудностями. Разведение птицы или мелкого скота для местных жителей также является редкостью, что связано с высокими издержками и трудностями сбыта мяса, яиц, молока.

В настоящее время в обследованных деревнях практически полностью отсутствует социальная инфраструктура. Так, в МО «Островное» осталась всего одна школа, в селе Вознесенье, на Онежском полуострове также есть одна школа — в деревне

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Летняя Золотица, которую посещают 17 учеников, и одна школа в селе Пертоминск. В отдаленных населенных пунктах не хватает фельдшеров, поэтому медицинское обслуживание местного населения осуществляется один раз в год силами мобильных бригад врачей из Архангельска.

В ходе качественных интервью выяснилось, что сельские жители не желают покидать традиционные места проживания. Большинство респондентов выросли в деревне, они испытывают ностальгию по прежним временам, когда на Севере были развиты аграрное и сопутствующее промышленное производство, а также социальная инфраструктура. Среди основных причин, обуславливающих нежелание местного населения покидать традиционные места проживания, были названы «привычка жить в деревне», «межпоколенческая связь с родной деревней», «страх потерять родительский дом», «богатство северной природы», а также «любовь к тишине, размеренности и спокойной деревенской жизни». Перечисленные факторы представляет собой систему ценностных установок деревенских жителей, которые определяют их отношение к внешним условиям и влияют на выбор стратегий для дальнейших действий.

Наблюдения за повседневной жизнью позволили сделать вывод о наличии между сельскими жителями социальной общности и взаимовыручки. Например, в условиях ограниченности транспортного сообщения социальная общность и взаимовыручка позволяют сохранять постоянную транспортную мобильность сельских жителей, которая сегодня строится на основе родственных и добрососедских связей. Тесные контакты и особые социальные взаимоотношения сельских жителей порождают стремление участвовать в общественной жизни и делить ответственность за свой коллектив, что выражается в том числе в организации совместного контроля за жизнеобеспечением поселков, важными источниками которого является также натуральное хозяйство, лов рыбы и заготовка дикоросов.

Несмотря на экономический упадок, местные жители испытывают гордость за историю своих деревень. Для инициативных жителей это стало стимулом для самореализации и организации досуговых учреждений, домов культуры, музеев. Подобные учреждения есть в каждом обследованном муниципалитете: Музей космоса и историко-краеведческий музей в селе Вознесенье, музей лоцманов и Дом культуры в деревне Одиночка, музей советского быта в деревне Ластола, музей «Поморская изба» в деревне Яреньга, музей авиации и Дом культуры в деревне Лопшеньга. По сути, эти учреждения являются социально-культурными точками притяжения, в которых местные жители видят возможности для организации собственного досуга и развития туризма.

Систематизация результатов качественного исследования позволяет определить перечень показателей жизнестойкости островных и прибрежных сообществ Приморского района Архангельской области. Субиндекс местоположения по составу показателей совпадает с одноименным субиндексом из указанной ранее работы А. Н. Пилясова: транспортное сообщение с Большой землей, географическое положение, степень распространенности вечной мерзлоты. При этом мы внесли в них некоторые коррективы. Так, бинарное кодирование по первому индикатору (0 — населённый пункт изолирован от сети регулярного круглогодичного транспортного сообщения (грузов и пассажиров); 1 — населённый пункт расположен внутри общероссийской сети дорог) было расширено до 3-значной шкалы измерения индекса: а) значение 0 присваивалось населённым пунктам, которые сообщаются с районными центрами и городами одним видом транспорта в зависимости от сезона — либо водным в период летней навигации, либо наземным транспортом по зимнику; б) 0,5 присваивалось сельским поселениям, которые в дополнение к указанным способам сообщения имеют круглогодичное авиасообщение с Большой землей; в) 1 — присваивалось тем населённым пунктам, которые располагаются в непосредственной близости к основным транспортным магистралям региона — постоянно действующим автодорогам и/или железнодорожным станциям.

Также была предложена несколько иная классификация и иные веса для географического положения поселений: а) в устье реки, впадающей в море, — 1; б) в бассейне реки с прилегающими землями, введенными или пригодными для введения в сельхозоборот, — 0,5; в) в бассейне реки с прилегающими лесными угодьями — 0,5; г) на морском побережье — 0.

Что касается уровня распространенности вечной мерзлоты, то мы в отношении этого индикатора следуем методике А. Н. Пилясова. Он важен, поскольку вечная мерзлота влияет как на особенности и сопутствующие риски в строительстве жилья, объектов инфраструктуры, дорог, так и на возможности для занятия сельским хозяйством. Однако следует отметить, что все включенные нами в выборку и обследованные поселения находятся вне зоны вечной мерзлоты и поэтому имеют значение индекса 1. Вместе с тем использование индекса жизнестойкости арктических сельских поселений за пределами географии настоящего исследования — в Ненецком, Ямало-Ненецком, Чукотском автономных округах, арктических улусах Республики Саха, на севере Кольского полуострова — будет сопровождаться более выраженной дифференциацией по индикатору распространенности вечной мерзлоты.

Субиндекс локальной экономики рассчитывается на основе следующих индикаторов: а) уровень

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

трудоустройству; б) диверсификация локальной экономики; в) уровень развития предпринимательства; г) уровень вовлеченности в натуральное хозяйство.

Данные по занятости, числу предприятий малого и среднего бизнеса (для сельских поселений сюда же целесообразно включить и фермерские хозяйства) и отраслевой диверсификации доступны в базах муниципальной статистики только для сельских муниципальных образований (в нашем случае «Талажское», «Островное», «Приморское»), но за редким исключением статистический учет для укрупненных деревень и поселков внутри таких муниципальных образований по этим показателям не ведется, а если и ведется, то оперативность обновления данных оставляет желать лучшего. При этом внутри укрупненных сельских муниципалитетов социально-экономическая ситуация может быть весьма неоднородной. Для оценки вовлеченности населения в натуральное хозяйство, что является важным фактором его продовольственной автономии,

систематический сбор данных не ведется. Кроме того, статистические данные далеко не всегда позволяют судить о качественном положении дел. Например, в случае с малым и средним бизнесом и фермерством статистика может фиксировать регистрацию юридического лица, индивидуального предпринимателя или фермерского хозяйства, но достоверную информацию о реальных масштабах, успешности, перспективах хозяйственной деятельности извлечь из статистики затруднительно. В связи с этим именно данные полевых исследований выступают основой для определения значений по перечисленным индикаторам на уровне отдельных поселений. При этом, учитывая качественный характер исходных данных, значения индикаторов не отражают точные количественные характеристики локальных экономик, а фиксируют типологические различия поселений. Экспертным методом были определены следующие критерии присваивания значений для каждого индикатора (табл. 2).

Таблица 2

Субиндекс «Локальная экономика» и критерии определения значений для каждого индикатора

Индикатор	Критерий / значение
Трудовая занятость	Отсутствие трудовых ресурсов, практически всё население — пенсионеры, имеющиеся единичные вакансии замещаются также пенсионерами — 0
	Низкий уровень занятости, большинство трудоспособного населения живет за счет социальных выплат, продуктов подсобного хозяйства, промыслов — 0,33
	Умеренный уровень занятости, значительная часть трудоспособного населения занята в бюджетных учреждениях — 0,66
	Высокий уровень занятости, практически всё трудоспособное население занята как в бюджетных учреждениях, так и на частных предприятиях, а также имеет статус ИП, самозанятого или фермера — 1
Диверсификация	В поселении работают только предприятия жизнеобеспечения (коммунальное хозяйство, торгово-сбытовые предприятия) — 0
	В поселении помимо предприятий жизнеобеспечения действуют либо сельскохозяйственные предприятия (включая рыболовецкие) / сравнительно крупные фермы, либо лесозаготовительные предприятия — 0,5
	В поселении помимо предприятий жизнеобеспечения и сельского хозяйства имеются иные предприятия (лесопромышленные, обработки местного сельхоз сырья и т. д.) — 1
Развитие предпринимательства	Отсутствие частного сектора — 0
	Наличие единичных фермерских хозяйств, ИП в сфере торговли, потребкооперации — 0,5
	Наличие нескольких малых и средних предприятий — основных работодателей в поселении — 1
Натуральное хозяйство	Высокий уровень (большинство населения занимается подсобным хозяйством или промыслами для нужд индивидуального потребления) — 1
	Средний уровень (примерно половина домохозяйств ведут подсобное хозяйство и / или занимаются промыслами) — 0,5
	Низкий уровень (меньшая часть населения занимается подсобным хозяйством или промыслами) — 0

Для субиндекса потенциала сообщества были выбраны следующие индикаторы: а) средний возраст населения; б) уровень социального капитала, уровень общественной / культурной активности; в) административный статус поселения.

Средний возраст отражает демографическую компоненту потенциала сообщества с точки зрения возможностей естественного воспроизводства

сообщества, сохранения части социальной инфраструктуры и рабочих мест (малое количество несовершеннолетних, молодых семей с детьми — основание для ликвидации местных учреждений дошкольного и среднего образования), воспроизводства трудовых ресурсов. Средний возраст населения органами статистики учитывается также в лучшем случае только на уровне сельских

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

муниципальных образований, а зачастую лишь на уровне муниципальных районов и округов. Таким образом, точное определение среднего возраста для отдельных деревень и поселков представляется затруднительным. В этой связи для определения значений этого показателя применяется такая же методика, как и в случае с индикаторами локальной экономики.

Точная квантификация уровня социального капитала и уровня общественной активности возможна в случае проведения сплошных формализованных опросов населения, что для сельской местности достаточно ресурсозатратно, имеет свои «подводные камни», связанные с социальной желательностью в ответах респондентов, например, о взаимном доверии и принятии общезначимых норм, а кроме того, избыточно с точки зрения задач исследования, в рамках которых индекс жизнестойкости прежде всего должен быть инструментом качественной дифференциации поселений, а не точного ранжирования. При этом два этих индикатора являются латентными переменными, операционализация которых предполагает выделение ряда частных, количественно измеримых показателей (например, в случае с социальным капиталом — уровень доверия, членство в ассоциациях

и др.; для уровня общественной активности — число ТОСов на 1000 человек, процент участвующих в коллективных мероприятиях и т. д.). Экспертные оценки и интерпретация качественных данных позволяют получить адекватный результат без такого усложнения методики и увеличения числа переменных.

Административный статус — индикатор, отражающий возможности регулярной коммуникации населения с органами местного самоуправления. С этой точки зрения поселения могут быть административными центрами сельского муниципального образования, где располагается сама местная администрация, «прилегающими» к административному центру — находящиеся в пешей доступности (в случае «куста» близко расположенных к центральному поселению деревень), либо удаленными. В последнем случае коммуникация с местной властью осуществляется с помощью средств удаленной связи, через представителя администрации на местах либо нерегулярно — в ходе окказиональных поездок в центральное поселение (что важно в контексте документооборота). Индикаторы субиндекса потенциала сообщества и критерии для определения их значений сведены в табл. 3.

Таблица 3

Субиндекс «Потенциал сообщества» и критерии определения значений для каждого индикатора

Индикатор	Критерий / значение
Средний возраст	Всё или практически всё население предпенсионного или пенсионного возраста — 0
	Большинство населения предпенсионного или пенсионного возраста, но имеется некоторое количество молодых и среднего возраста семей с детьми — 0,33
	Примерно половина населения предпенсионного или пенсионного возраста, половина — молодые и среднего возраста семьи с детьми — 0,66
	Большинство населения (2/3 и более) — молодые и среднего возраста семьи с детьми — 1
Социальный капитал	Низкий уровень межличностного доверия и фрагментированное пространство повседневной коммуникации, слабая локальная идентичность — 0
	Средний уровень доверия, фрагментированное пространство повседневной коммуникации, выраженная локальная идентичность — 0,5
	Высокий уровень доверия, плотная сеть повседневной коммуникации, сильная локальная идентичность — 1
Общественная активность	Низкая (нет ТСО, мало общественных инициатив, слабая вовлеченность в коллективные мероприятия) — 0
	Умеренная (есть ТСО и/или периодически возникающие общественные инициативы, единичные действующие общественные проекты, адресная вовлеченность в коллективные мероприятия) — 0,5
	Высокая (есть ТСО и/или общественные объединения, регулярные общественные инициативы, несколько действующих общественных проектов, массовая вовлеченность в коллективные мероприятия) — 1
Административный статус	Административный центр сельского МО — 1
	Прилегающее к центру поселение — 0,5
	Периферийное поселение — 0

Для рассматриваемого примера субиндексы будут рассчитываться как среднее арифметическое значений соответствующих индикаторов, а интегральный

индекс жизнестойкости сельских поселений Приморского района Архангельской области — как среднее арифметическое трех субиндексов.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Таблица 4

Интегральный индекс жизнестойкости сельских поселений Приморского района Архангельской области

Населенный пункт	Местоположение		Субиндекс	Локальная экономика			Субиндекс	Потенциал сообщества			Субиндекс	Интегральный индекс жизнестойкости		
	Транспортное сообщение	Географическое положение		Распространенность вечной мерзлоты	Трудовая занятость	Диверсификация		Развитие предпринимательства	Натуральное хозяйство	Средний возраст населения			Социальный капитал	Общественная активность
<i>Муниципальное образование «Островное»</i>														
Пустошь	0	1	0,67	0,33	0,5	0	1	0,33	0,5	0,5	0,5	0,46	0,46	0,53
Одиночка	0	1	0,67	0,33	0,5	0	1	0,33	0,5	0,5	0,5	0,46	0,46	0,53
Выселки	0	1	0,67	0,33	0,5	0	1	0,33	0,5	0,5	0,5	0,46	0,46	0,53
Андрианово	0	1	0,67	0,33	1	0,5	1	0,33	1	0,5	0,5	0,71	0,58	0,65
Ластола	0	1	0,67	0,66	1	0,5	1	0,33	1	1	0,5	0,79	0,71	0,72
Конецдворье	0	1	0,67	0	1	0	1	0	1	0,5	0,5	0,50	0,50	0,56
Вознесеенье	0	1	0,67	0,66	1	0,5	1	0,33	1	1	1	0,79	0,83	0,76
<i>Муниципальное образование «Талажское»</i>														
Патракевка	0	0,5	0,50	0,66	1	0,5	1	0,33	1	1	0	0,79	0,58	0,62
<i>Муниципальное образование «Пертоминское»</i>														
Пушлахта	0	0	0,33	0,33	1	0	1	0	1	1	0	0,58	0,50	0,47
Летняя	0,5	0	0,50	0,66	1	0,5	1	0,33	1	1	0	0,79	0,58	0,62
Золотица	0	0	0,33	0	0	0	0,5	0	1	0	0	0,13	0,25	0,24
Летний Наволок	0,5	0	0,50	0,66	1	0,5	1	0,33	1	1	0,5	0,79	0,71	0,67
Яреньга	0	0	0,33	0,33	1	0,5	1	0	1	1	0,5	0,71	0,63	0,56
Пертоминск	0,5	0,5	0,67	0,66	1	0,5	1	0,33	1	1	1	0,79	0,83	0,76

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Дискуссия

Результаты исследования показывают, что на практике даже в границах одного муниципалитета могут встречаться сообщества, имеющие различную социально-экономическую организацию и ресурсы. Следовательно, жизнестойкость арктических сообществ во многом зависит от местного контекста и не связана с жизнестойкостью других сообществ.

В рассматриваемом примере экономический потенциал местных сообществ как фактор жизнестойкости включает инициативы в области культуры и туризма, развитие частных предприятий по доставке продуктов питания, грузопассажирским перевозкам, сбору и продаже дикоросов, заготовке водорослей и дров. Межпоколенческая и социокультурная связь сельских жителей, местные знания и компетенции в сочетании с инициативностью, готовностью к обучению и развитию образуют потенциал жизнестойкости на уровне сообществ. Вместе с тем следует констатировать, что сегодня носителями экономического и социального потенциала жизнестойкости являются люди пенсионного и редко предпенсионного возраста. В связи с этим мы допускаем риски сокращения потенциала жизнестойкости изучаемых сообществ в ближайшие десятилетия (а возможно, и годы), в первую очередь, в связи с демографической ситуацией в обследованных деревнях.

Интерпретация результатов исследования позволяет заключить, что жизнестойкость — это не характеристика, которой обладает или не обладает сообщество, а, скорее, процесс, в котором задействованы внутренние и внешние ресурсы общества. На содержание и качество этих ресурсов влияют различные факторы: политические, социально-экономические, природные. Также они обладают динамическими свойствами, связями и отношениями, которые сложно точно измерить или проконтролировать. Тем не менее индикаторы жизнестойкости потенциально наблюдаемы, в том числе с использованием качественных методов, что позволяет делать оценку потенциала жизнестойкости. В свою очередь, оценка уровня жизнестойкости сельских сообществ может дать информацию о готовности общества к внешним вызовам и показать, какие ресурсы (экономические, социальные, природные) являются надежными, а какие уязвимыми.

Считается, что на индивидуальном уровне внутренние ресурсы оказывают более сильное воздействие на социальную жизнестойкость, чем внешние. Это действительно так, если рассматривать общество как множество индивидов. Однако индивидуальные ресурсы влияют на жизнестойкость отдельных людей, в то время как ресурсы социальной системы определяют жизнестойкость сообщества в целом. Отсюда можно предположить, что

социальная жизнестойкость имеет исключительную ценность в качестве стратегии обеспечения готовности сообществ к различным рискам.

В настоящее время всестороннее глубокое понимание жизнестойкости сообществ имеет ряд существенных ограничений, которые обуславливаются недостаточным количеством эмпирических исследований, в которых были бы представлены долгосрочные лонгитюдные данные, а также тем, что многие аспекты жизнестойкости находятся в процессе разработки и обсуждения научным сообществом. Вместе с тем теоретическая и практическая ценность концепции жизнестойкости заключается в том, что она порождает новые гипотезы о качественных взаимосвязях внутри сообществ, а также об их адаптивных свойствах, что крайне важно в условиях нарастания многообразия социально-экономических процессов и изменчивости мира в целом. В этой связи представляется целесообразным ее применение для исследования практики социального управления конкретными территориями и разработки новых стратегий освоения северных пространств.

Выводы

Таким образом, рассмотрение жизнедеятельности сельских сообществ Севера России на примере Приморского района Архангельской области позволило выявить факторы, определяющие их жизнестойкость в условиях социально-экономических перемен. К ним относятся местоположение, локальная экономика и социальный капитал. Для оценки уровня резилентности сельских сообществ к экономическим вызовам разработана и апробирована методика, которая основывается на экспертных оценках качественных данных, определении индикаторов и расчете интегрального индекса жизнестойкости сельских поселений Приморского района Архангельской области. Теоретическая ценность концепции жизнестойкости заключается в том, что она не только формирует новый подход к исследованию социально-экономических систем в контексте различных вызовов, но и позволяет разрабатывать конкретные методики для ее эмпирической проверки в рамках прикладных исследований. Дальнейшее изучение практики жизнестойкости сообществ может дать богатый эмпирический материал для понимания происходящих на Севере России социально-экономических процессов и разработки конкретных мероприятий для решения актуальных задач по управлению северными территориями, а именно планов адаптации сельских жителей к различным вызовам.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

Список источников

1. Фаузер В. В., Смирнов А. В., Лыткина Т. С., Фаузер Г. Н. Вызовы и противоречия в развитии Севера и Арктики: демографическое измерение // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12, № 1. С. 111–122.
2. Север и Арктика в пространственном развитии России: научно-аналитический доклад. М.; Апатиты; Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010. 213 с.
3. Алексеев Н. А. Модернизация социально-экономической системы северных регионов России // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 11–16.
4. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Освоение Севера 2.0: вызовы формирования новой теории // Арктика и Север. 2019. № 34. С. 57–76.
5. Бодрова Е., Гусаров М. Об определяющих факторах промышленного спада в Российской Федерации в 1990-е гг. // Власть. 2013. № 7. С. 152–155.
6. Горожане в деревне. Социологические исследования в Российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга, 2016. 404 с.
7. Денисенко М. Б., Николаева У. Г. Что происходит с сельским населением на Ближнем Севере России? // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 70–81.
8. Киселёва А. М. Демографическая безопасность северных регионов: проблемы депопуляции и миграции населения // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 4. С. 181–190.
9. Ильин В. И. Хозяйственная жизнь деревни // Горожане в деревне. Социологические исследования в Российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества. М.: Университетская книга, 2016. 404 с.
10. Пилясов А. Н. И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 544 с.
11. Кашницкий И. С. Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. М.: «Логос», 2014. С. 123–139.
12. Фаль Н. П. Организационно-управленческие ресурсы развития сельских местных сообществ // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 316. С. 148–151.
13. Дидык В. В. Север и Арктика в новой парадигме мирового развития: актуальные проблемы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 3. С. 37–42.
14. Сангадиева И. Г., Шадонова Т. М. Грантовая поддержка местных инициатив сельских сообществ как фактор устойчивого развития сельских территорий // Вестник Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В. Р. Филиппова. 2014. № 1. С. 111–116.
15. Салахутдинова Р. Р., Нечипоренко О. В., Миннигулова Д. Б., Курманов А. С. Роль местной власти в сохранении и развитии локальных сельских сообществ: региональный опыт // Евразийский юридический журнал. 2015. № 11. С. 323–325.
16. Шмаков В. С. Инновационная составляющая развития сельских локальных сообществ // Вестник Новосибирского государственного университета Серия: Философия. 2013. Т. 11, № 1. С. 90–95.
17. Красноштанова Н. Е. Особенности административного управления в районах нового промышленного освоения Севера: проблемы и преимущества социально-экономического развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. № 2. С. 82–96.
18. Нечипоренко О. В., Шлюкич С. Социальный капитал локальных сообществ в стратегиях развития сельских территорий: европейский опыт и российская специфика // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 12, № 4. С. 69–77.
19. Нечипоренко О. В. Адаптационный потенциал сообщества как фактор устойчивого развития сельских территорий: понятие, структура, измерение // Сибирский философский журнал. 2015. Т. 13, № 4. С. 151–158.
20. Шмаков В. С. Системный анализ развития сельских локальных сообществ. // Сибирский философский журнал. 2019. Т. 17, № 3. С. 181–193.
21. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 171 с.
22. Дрегалю А. А. Социокультурная динамика социального пространства Севера: монография. Архангельск: САФУ, 2017. 252 с.
23. Николаева У. Г., Денисенко М. Б. Ближний Север: территория, люди и хозяйство // Потенциал Ближнего Севера: экономика, экология, сельские поселения. М.: «Логос», 2014. 200 с.
24. Ненашева М. В. Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направления исследований. // Арктика и Север. 2023. № 51. В печати.
25. Климанов В., Казакова С., Михайлова А. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13, № 6. С. 164–187.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

26. Одинцова А. От стратегического планирования к территориальной резилиентности // Федерализм. 2020. Т. 25, № 4 (100). С. 26–41.
27. Корезин А. С., Мурашов С. Б. Резильентность социальных систем: сущность концепта и его применимость на разных уровнях социума // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2021. № 1. С. 17–22.
28. Жихаревич Б. С., Климанов В. В., Марача В. Г. Шокоустойчивость территориальных систем: концепция, измерение, управление // Региональные исследования. 2020. № 3. С. 4–15.
29. Замятина Н. Ю., Медведков А. А., Поляченко А. Е., Шамало И. А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. № 65 (3). С. 481–505.
30. Важенин С. Г., Важенина И. С. Жизнестойкость территорий в конкурентном экономическом пространстве // Регион: экономика и социология. 2015. № 2. С. 175–199.
31. Aarsæther N., Riabova L., Værenholdt J.O. Community Viability. In: The Arctic Human Development Report. Akureyri, Stefansson Arctic Institute, 2004. P. 139–155.
32. Bene C., Doyen L. From Resistance to Transformation: A Generic Metric of Resilience Through Viability. *Earth's Future*. 2017. No. 6 (7). P. 1–18.
33. Norris F. N., Stevens S. P., Pfefferbaum B., Wyche K. F., Pfefferbaum R. L. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness *Community Psychol.* // *American Journal of Community Psychology*. 2008. No. 41. P. 127–150.
34. Davidson D. J. The applicability of the concept of resilience to social systems: some sources of optimism and nagging doubts // *Society and Natural Resources*. 2010. No. 23. P. 1135–1149.
35. Barrett C. B., Ghezzi-Kopel K., Hoddinott J., Homami N., Tennant E., Upton J., Wu T. A scoping review of the development resilience literature: Theory, methods and evidence // *World Development*. 2021. No. 3. Available at: <https://ecommons.cornell.edu/handle/1813/103506>.
36. Convertino M., Valverde Jr. Toward a pluralistic conception of resilience // *Ecological Indicators*. 2019. No. 107. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334113656_Toward_a_Pluralistic_Conception_of_Resilience#fullTextFileContent.
37. Foster K. A. A case study approach to understanding regional resilience. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, Working Paper, No. 2007-08. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/59413/1/592535347.pdf>.
38. Пиласов А. Н., Молодцова В. А. Жизнестойкость арктических городов России: методологические подходы и количественные оценки // *Известия Коми научного центра УрО РАН*. 2021. № 2 (48). С. 5–26.
39. Коробов В. Б., Кочуров Б. И., Тутыгин А. Г. Методология районирования сложных географо-экологических объектов экспертно-статистическими методами // *Проблемы региональной экологии*. 2020. № 5. С. 42–48.

References

1. Fauzer V. V., Smirnov A. V., Lytkina T. S., Fauzer G. N. Vyzovy i protivorechiya v razvitii Severa i Arktiki: demograficheskoe izmerenie [Challenges and contradictions in the development of the North and the Arctic: demographic dimension]. *Arktika: ekologiya i ekonomika* [Arctic: Ecology and Economics], 2022, vol. 12, no. 1, pp. 111–122. (In Russ.).
2. *Sever i Arktika v prostranstvennom razvitii Rossii: nauchno-analiticheskii doklad* [The North and the Arctic in the spatial development of Russia: a scientific and analytical report]. Moscow, Apatity, Syktyvkar, Publishing House of the KSC RAS, 2010, 213 p. (In Russ.).
3. Alekseev N. A. Modernizatsiya sotsial'no-ekonomicheskoi sistemy severnykh regionov Rossii [Modernization of social and economic system of northern regions of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie* [Moscow Witte University Bulletin. Series 1: Economics and Management], 2014, no. 4, pp. 11–16. (In Russ.).
4. Pilyasov A. N., Zamyatina N. Yu. Osvoenie Severa 2.0: vyzovy formirovaniya novoi teorii [Development of the North 2.0: challenges of making a new theory]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2019, no. 34, pp. 57–76. (In Russ.).
5. Bodrova E., Gusarov M. Ob opredelyayushchikh faktorakh promyshlennogo spada v Rossiiskoi Federatsii v 1990-e gg. [On the determining factors of industrial decline in the Russian Federation in the 1990s]. *Vlast'* [Power], 2013, no. 7, pp. 152–155. (In Russ.).
6. *Gorozhane v derevne. Sotsiologicheskie issledovaniya v Rossiiskoi glubinke: Dezurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Townsppeople in the country. Sociological research in the Russian countryside: Deurbanization and rural-urban communities]. Moscow, University Book, 2016, 404 p. (In Russ.).
7. Denisenko M. B., Nikolaeva U. G. *Chto proiskhodit s sel'skim naseleniem na Blizhnem Severe Rossii?* [What happens to the rural population in the Russian Near North? (The case of Kostroma region)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 12, pp. 70–81. (In Russ.).

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

8. Kiseleva A. M. *Demograficheskaya bezopasnost' severnykh regionov: problemy depopulyatsii i migratsii naseleniya* [Demographic security of the northern regions: problems of depopulation and migration]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika"* [Herald of Omsk University. Series "Economics"], 2016, no. 4, pp. 181–190. (In Russ.).
9. Ilyin V. I. *Khozyaistvennaya zhizn' derevni* [Economic life of the village]. *Sotsiologicheskie issledovaniya v Rossiiskoi glubinke: Deurbanizatsiya i sel'sko-gorodskie soobshchestva* [Townsppeople in the country. Sociological research in the Russian countryside: Deurbanization and rural-urban communities]. Moscow, University Book, 2016, 404 p. (In Russ.).
10. Pilyasov A. N. *I poslednie stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will be the first: The Northern Periphery on the way to the economy of knowledge]. Moscow, Knizhny dom "Librokom", 2009, 544 p. (In Russ.).
11. Kashnitsky I. S. *Styagivanie naseleniya s periferii v regional'nye centry: Rossiya i Evropeiskii Sever* [Population movement from the periphery to regional centers: Russia and the European North]. *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya* [The potential of the Near North: economy, ecology, and rural settlements]. Moscow, "Logos", 2014, pp. 123–139. (In Russ.).
12. Fal N. P. *Organizatsionno-upravlencheskie resursy razvitiya sel'skikh mestnykh soobshchestv*. [Rural community development is organization and management]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2008, no. 316, pp. 148–151. (In Russ.).
13. Didyk V. V. *Sever i Arktika v novoi paradigme mirovogo razvitiya: aktual'nye problemy* [The North and the Arctic in the new paradigm of global development: current problems]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2012, no. 3, pp. 37–42. (In Russ.).
14. Sangadieva I. G., Shadonova T. M. *Grantovaya podderzhka mestnykh initsiativ sel'skikh soobshchestv kak faktor ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorij* [Grant support of local initiatives of rural communities as a factor of sustainable development of rural area]. *Vestnik Buryatskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii im. V. R. Filippova* [Vestnik of Buryat State Academy of Agriculture named after V. Philippov], 2014, no. 1, pp. 111–116. (In Russ.).
15. Salakhutdinova R. R., Nechiporenko O. V., Minnigulova D. B., Kurmanov A. S. *Rol' mestnoi vlasti v sokhraneni i razviti lokal'nykh sel'skikh soobshchestv: regional'nyi opyt* [The role of local authorities in the preservation and development of local rural communities: a regional experience]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2015, no. 11, pp. 323–325. (In Russ.).
16. Shmakov V. S. *Innovatsionnaya sostavlyayushchaya razvitiya sel'skikh lokal'nykh soobshchestv* [The innovation component in the development of rural local communities]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Philosophy], 2013, no. 1, vol. 11, pp. 90–95. (In Russ.).
17. Krasnoshtanova N. E. *Osobennosti administrativnogo upravleniya v raionakh novogo promyshlennogo osvoeniya Severa: problemy i preimushchestva sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Features of administrative management in the areas of new industrial development of the North: problems and benefits of socio-economic development]. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the economic order], 2022, no. 2, pp. 82–96. (In Russ.).
18. Nechiporenko O. V., Šljukić S. *Sotsial'nyi kapital lokal'nykh soobshchestv v strategiyakh razvitiya sel'skikh territorii: evropeiskii opyt i rossiiskaya spetsifika* [Social capital of local communities in the development strategies of rural areas: European experience and the Russian context]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Novosibirsk State University], 2014, vol. 12, no. 4, pp. 69–77. (In Russ.).
19. Nechiporenko O. V. *Adaptatsionnyi potentsial soobshchestva kak faktor ustoichivogo razvitiya sel'skikh territorii: ponyatie, struktura, izmerenie* [Adaptive capacity of the community as a factor of sustainable development of rural areas: the concept, structure, measurement]. *Sibirskii filosofskii zhurnal* [The Siberian Journal of Philosophy], 2015, no. 4, vol. 13, pp. 151–158. (In Russ.).
20. Shmakov V. C. *Sistemnyi analiz razvitiya sel'skikh lokal'nykh soobshchestv* [System analysis of the development of rural local communities]. *Sibirskii filosofskii zhurnal* [The Siberian Journal of Philosophy], 2019, no. 3, vol. 17, pp. 181–193. (In Russ.).
21. *Regiony Severa i Arktiki Rossiiskoi Federatsii: sovremennye tendentsii i perspektivy razvitiya* [The regions of the North and the Arctic of the Russian Federation: current trends and development prospects]. Apatity, KSC RAS, 2017, 171 p. (In Russ.).
22. Dregalo A. A. *Sotsiokul'turnaya dinamika sotsial'nogo prostranstva Severa* [Sociocultural trends in the society of the North]. Arhangel'sk, SAFU, 2017, 252 p. (In Russ.).
23. Nikolaeva U. G., Denisenko M. B. *Blizhnii Sever: territoriya, lyudi i khozyaistvo* [The Near North: territory, people and economy]. *Potentsial Blizhnego Severa: ekonomika, ekologiya, sel'skie poseleniya* [The potential of the Near North: economy, ecology, and rural settlements]. Moscow, "Logos", 2014, 200 p. (In Russ.).
24. Nenashaeva M. V. *Zhiznestoikost' arkticheskikh soobshchestv: kontseptsiya, metodologiya i napravleniya issledovaniya*. [Arctic communities' resilience: conception, methodology and directions of research]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, in press (In Russ.).

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ РАССЕЛЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ

25. Klimanov V., Kazakova S., Mikhailova A. Regional'naya rezilientnost': teoreticheskie osnovy postanovki voprosa [Regional resilience: theoretical basics of the question]. *Ekonomicheskaya politika* [Economic policy], 2018, vol. 13, no. 6, pp. 164–187. (In Russ.).
26. Odintsova A. Ot strategicheskogo planirovaniya k territorial'noi rezilientnosti [From strategic planning to territorial resistance]. *Federalizm* [Federalism], 2020, vol. 25, no. 4 (100), pp. 26–41. (In Russ.).
27. Korezin A. S., Murashov S. B. Rezil'entnost' sotsial'nykh sistem: sushchnost' kontsepta i ego primenimost' na raznykh urovnyakh sotsiuma [Resilience of social systems: the essence of the concept and its applicability at different levels of society]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], 2021, no. 1, pp. 17–22. (In Russ.).
28. Zhikharevich B. S., Klimanov V. V., Maracha V. G. Shokoustoichivost' territorial'nykh sistem: kontseptsiya, izmerenie, upravlenie [Resilience of the territory: concept, measurement, governance]. *Regional'nye issledovaniya* [Regional studies], 2020, no. 3, pp. 4–15. (In Russ.).
29. Zamyatina N. Yu., Medvedkov A. A., Polyachenko A. E., Shamalo I. A. Zhiznestoikost' arkticheskikh gorodov: analiz podkhodov [Resilience of Arctic cities: An analysis of the approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle* [Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences], 2020, no. 65 (3), pp. 481–505. (In Russ.).
30. Vazhenin S. G., Vazhenina I. S. Zhiznestoikost' territorii v konkurentnom ekonomicheskom prostranstve [Resilience of territories in a competitive economic environment]. *Region: ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology], 2015, no. 2, pp. 175–199. (In Russ.).
31. Aarsæther N., Riabova L., Bærenholdt J. O. Community Viability. In: *The Arctic Human Development Report*. Akureyri, Stefansson Arctic Institute, 2004, pp. 139–155.
32. Bene C., Doyen L. From Resistance to Transformation: A Generic Metric of Resilience through Viability. *Earth's Future*, 2017, no. 6 (7). pp. 1–18.
33. Norris F. N., Stevens S. P., Pfefferbaum B., Wyche K. F., Pfefferbaum R. L. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness Community Psychol. *American Journal of Community Psychology*, 2008, no. 41, pp. 127–150.
34. Davidson D. J. The applicability of the concept of resilience to social systems: some sources of optimism and nagging doubts. *Society and Natural Resources*, 2010, no. 23, pp. 1135–1149.
35. Barrett C. B., Ghezzi-Kopel K., Hoddinott J., Homami N., Tennant E., Upton J., Wu T. A scoping review of the development resilience literature: Theory, methods and evidence. *World Development*, 2021, no. 3. Available at: <https://ecommons.cornell.edu/handle/1813/103506>.
36. Convertino M., Valverde Jr. Toward a pluralistic conception of resilience. *Ecological Indicators*, 2019, no. 107. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334113656_Toward_a_Pluralistic_Conception_of_Resilience#fullTextFileContent.
37. Foster K. A. *A case study approach to understanding regional resilience*. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, Working Paper, No. 2007-08. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/59413/1/592535347.pdf>.
38. Pilyasov A. N., Molodtsova V. A. Zhiznestoikost' arkticheskikh gorodov Rossii: metodologicheskie podkhody i kolichestvennye otsenki [Resilience of Russian Arctic cities: methodological approaches and quantitative assessments]. *Izvestiya Komi nauchnogo centra Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Komi Science Center Ural Branch Russian Academy of Sciences], 2021, no. 2 (48), pp. 5–26. (In Russ.).
39. Korobov V. B., Kochurov B. I., Tutygin A. G. Metodologiya raionirovaniya slozhnykh geografo-ekologicheskikh ob'ektov ekspertno-statisticheskimi metodami [Methodology of zoning of complex geographic and ecological objects using expert statistical methods]. *Problemy regional'noi ekologii* [Regional Environmental Issues], 2020, no. 5, pp. 42–48. (In Russ.).

Об авторах:

М. В. Ненашева — канд. философ. наук, доцент кафедры философии и социологии;

А. М. Михайлов — канд. полит. наук, старший научный сотрудник.

About the authors:

M. V. Nenasheva — PhD (Philosophy), Associate Professor, Philosophy and Sociology Department;

A. M. Maksimov — PhD (Politics), Senior Researcher.

Статья поступила в редакцию 22 марта 2023 года.

Статья принята к публикации 28 апреля 2023 года.

The article was submitted on March 22, 2023.

Accepted for publication on April 28, 2023.